

Ли Жун прождал в общежитии до позднего вечера, пока наконец не вернулся Хэ Чанфэн с ведром жареной курицы и парой бутылок ледяной газировки.

На улице заметно похолодало, и пока парень шел от ворот университета, курица успела почти полностью остыть.

Шмыгнув носом, Хэ Чанфэн поставил ведро на обеденный стол и бросил взгляд на сосредоточенного соседа.

— О, ты уже здесь... У вашего класса ведь тоже скоро сессия? Смотри, не завали — пересдачи потом замучают. Лучше бы тебе за учебники засесть.

Он просто хотел напомнить, ведь за всё время Ли Жун ни разу не открыл в комнате книгу. Хэ Чанфэн был уверен: тот метит в ряды тех, кто мечтает просто получить проходной балл и забыть всё как страшный сон.

Ли Жун несколько секунд молча смотрел на него, а затем, легко выдохнув, мягко улыбнулся. Он достал из кармана цепочку с крестиком и, бережно сжимая её в ладони, серьезно произнес:

— Она мне больше не нужна. Возвращаю.

— А, ладно, положи на стол. Я сейчас курицу разогрею, будешь? — Хэ Чанфэн мельком глянул на украшение, расстегнул замок пуховика и по-свойски зашагал к микроволновке с ведром в руках.

Ли Жун слегка склонил голову и, оставив цепочку на столешнице, тихо ответил:

— Нет, спасибо, я не голоден.

Микроволновка негромко звякнула и начала вращаться. Курица зашипела, и по комнате поплыл густой аппетитный аромат. Хэ Чанфэн привычным жестом открыл бутылку ледяной колы и, совершенно не обращая внимания на холод, всё еще веявший от его одежды, сделал несколько жадных глотков.

— Эх, — блаженно выдохнул он, — в самой забегаловке есть всё-таки удобнее.

Жаль только, что в закускойной всегда слишком многолюдно, шумно и нет телевизора, чтобы посмотреть футбол.

Ли Жун уже собирался уйти к себе, но, сделав шаг, невольно замер.

— Твои домашние... часто тебе звонят? — спросил он.

Хэ Чанфэн поставил бутылку и недоуменно нахмурился:

— Да нормально. Отец, правда, ворчливый больно, вечно всякую ерунду несет, так что я отвечаю под настроение.

Ли Жун кивнул. Он не знал, что на это сказать. Возможно, когда-нибудь Хэ Чанфэн узнает правду и тогда иначе посмотрит на своего суеверного, ворчливого и столь неоднозначного отца.

Ли Жун повернулся к своей двери, но в этот момент замок щелкнул, и в комнату вошел Сун Хэ.

Из-за экзаменационной недели Сун Хэ снова начал пропадать в библиотеке. Поскольку Ли Жун часто отсутствовал в университете, в общежитии за ним следить было невозможно. Увидев обоих соседей в сборе, Сун Хэ даже на мгновение оторопел.

Впрочем, он быстро сообразил: сессия на носу, Ли Жун вернулся ради экзаменов.

Нервно сглотнув, Сун Хэ притворился равнодушным:

— О, ты вернулся.

За последнее время Ли Жун почти успел забыть о том, что этот человек за ним шпионит. Он скользнул по нему мимолетным взглядом, кончиками пальцев пододвинул крестик Хэ Чанфэна ближе к центру стола и буднично ответил:

— Угу, приехал сдавать сессию.

— Хэ Чанфэн говорил, ты приболел. Сейчас как, полегче? — Сун Хэ судорожно поправил лямку рюкзака, глядя на Чанфэна, хотя вопрос адресовал Ли Жуну.

Тот усмехнулся:

— Уже лучше. Спасибо за заботу.

— А к экзаменам как, подготовился? — не унимался Сун Хэ. — У наших групп преподаватели разные, но билеты-то одни. Если нужны материалы для подготовки...

Любому здравомыслящему человеку было ясно: в этом семестре Ли Жун относился к учебе крайне халатно. Впрочем, попав в класс Чжан Чжаохэ, трудно было оставаться образцовым студентом.

Ли Жун прервал его:

— Спасибо, обойдусь. Я хоть и прогуливал, но на проходной балл как-нибудь наскребу.

Сун Хэ хотел было возразить, но, видя, что у Ли Жуна нет ни малейшего желания зубрить в последний момент, благоразумно промолчал. Хотя вопросы вряд ли будут каверзными, его подборка материалов включала в себя основные моменты, выделенные преподавателями разных групп, — она была самой полной. К тому же в Университете А существовал негласный лимит на количество несдавших: если все остальные напишут блестяще, Ли Жуну может не хватить даже заветных шестидесяти баллов.

Ли Жун ждал, что Сун Хэ попытается выведать что-то еще, но тот больше не проронил ни слова. Казалось, его действительно не интересовало ничего, кроме учебы и быта соседа.

Ли Жун задумчиво прикусил губу и кивнул своим мыслям.

Следующий день прошел в экзаменационной горячке: одна проверка утром, другая — после обеда. Задания оказались проще простого. Ли Жун сдавал работы меньше чем через час после начала.

Поскольку распределение по аудиториям шло по группам, вместе с ним сидели однокурсники из класса Чжан Чжаохэ. Видя, с какой скоростью он справляется с билетами, они решили, что парень просто сдался без боя.

За два дня Ли Жун завершил экзамены по четырем профильным предметам. Каким бы гением он ни был, он не мог предугадать критерии оценки каждого преподавателя, а потому и не пытался играть в «угадай балл». Он просто честно и досконально ответил на все вопросы, будучи уверенным, что результат окажется выше девяноста баллов, а средний балл за семестр будет максимальным.

Когда он получит подписанное Чжан Чжаохэ разрешение на свободное посещение, текущих баллов станет достаточно, чтобы претендовать на первое место в рейтинге и высшую стипендию.

В три часа дня Ли Жун вышел из аудитории раньше срока. Он хотел было позвонить Цэнь Сяо, но увидел, что в рабочем чате Девятого района всю шумит Юй Фуянь.

[Юй Фуянь: Шестой район успешно ликвидирован! Хэ Даюн уже отправился в управление города Ян с повинной! Говорят, чат Шестого района, который должны были вот-вот распустить, превратился в сумасшедший дом. Цзян Чжун просто в ярости! Хэ Даюн и впрямь лис — прикинулся дурачком и выставил всё так, будто это мы его прижали, но фактически он приписал все заслуги нашему отряду!]

[Гэн Ань: Да, похоже, Цзян Чжун до сих пор не раскусил игру Хэ Даюна. Решил, что старик просто трусил, когда мы припугнули его уликами. Теперь в Девятом районе на нашего капитана смотрят совсем иначе — мы наконец-то утерли им носы! А начальник группы Хань даже заикнулся о премиях.]

[Юй Фуянь: Хе-хе, за это стоит сказать отдельное спасибо нашему заместителю капитана Ли. Без тех доказательств, что ты нашел, Хэ Даюн ни за что бы не сдался!]

[Гэн Ань: Это точно. Как вспомню тот день, до сих пор сердце заходится.]

[Ли Жун: Понял.]

Он не стал скромничать и отнекиваться от похвал. Ли Жун прекрасно знал цену своим способностям и считал, что заслужил каждое доброе слово.

Едва он отправил сообщение, как зазвонил телефон. Это был Цэнь Сяо.

Он всё это время провел в библиотеке и сейчас стоял у пожарного выхода. В трубке слышался свист ветра, гулявшего по лестничным пролетам.

— Так быстро закончил?

В отличие от Ли Жуна, Цэнь Сяо после окончания университета в прошлой жизни три года не прикасался к теории, так что ему действительно пришлось освежить знания перед тестами.

Ли Жун, воодушевленный добрыми вестями, ответил ленивым и довольным тоном:

— Ну как вы там, капитан Цэнь? Неужели совсем всё позабыли из университетской программы?

После того как он упомянул документ GT200 в кабинете Хэ Даюна, скрываться дальше не было смысла. Впрочем, тема их перерождения давно стала чем-то само собой разумеющимся, о чем не стоило лишней раз напоминать вслух.

Цэнь Сяо на мгновение замолчал, а затем негромко рассмеялся. Его голос звучал низко и бархатисто:

— Ну, кое-что еще помню. Вполне достаточно, чтобы выкроить денек и сводить моего сокровища куда-нибудь пообедать и отдохнуть.

Ли Жун прищурился от удовольствия. Кончиком пальца он лениво поглаживал кнопку громкости на телефоне, выдыхая облачка пара в морозный воздух.

— Ох, капитан Цэнь... А ведь красота-то губит великие дела. Не ожидал, что вы из этих.

— Ты только сегодня это понял? — парировал Цэнь Сяо.

Ли Жун невольно улыбнулся:

— Я на площади перед старой библиотекой.

Цэнь Сяо тут же предостерегающе понизил голос:

— Только не вздумай сидеть на снегу. Сейчас выйду.

Ли Жун мгновенно выпрямился и удивленно огляделся по сторонам:

— Откуда ты знаешь, что я сижу на снегу?

А он и впрямь сидел. Весной и летом эта площадь превращалась в аккуратно подстриженный газон, где студенты вечно устраивали пикники и фотосессии. Зимой здесь тоже было полно народу: три высотки вокруг надежно защищали пяточок земли от малейшего дуновения ветра. Ли Жун просто отыскал чистый сугроб и устроился в нем по-турецки — сидеть ему всегда нравилось больше, чем стоять.

— Да так, наугад ляпнул, — отозвался Цэнь Сяо. — Вставай давай.

— Ладно, ладно, — проворчал Ли Жун. Он спрятал руки в рукава и, упершись ими в землю, неспешно поднялся на ноги.

Ткань пуховика была скользкой, так что приставшие снежинки просто осыпались сами собой под собственной тяжестью.

Цэнь Сяо появился на площади очень быстро. Первым делом он, как и положено, спросил:

— Ну, как сдал?

Ли Жун вскинул на него глаза, в которых плясали искорки смеха:

— А ты как думаешь?

Цэнь Сяо проницательно выгнул бровь:

— Решил больше не скрываться?

Ли Жуну потребовалось несколько секунд, чтобы понять: речь не о его прошлой жизни, а об оценках. Он тихо вздохнул:

— А что поделаться? Чтобы попасть в институт «Хунсо», баллы должны быть безупречными.

— Значит, теперь... они начнут тебя опасаться, — заметил Цэнь Сяо.

— Думаешь, после истории с «Мэйцзян Фармасьютикал» они продолжат недооценивать меня?
— вопросом на вопрос ответил Ли Жун.

— Твоё участие в расследовании «Призрачного глаза» было строго засекречено. Если только кто-то не проболтался...

Ли Жун качнул головой:

— В этом нет нужды. От публикации папиной гипотезы до того момента, как «Мэйцзян» захлебнулась в собственных грехах — везде видна моя тень. Слишком много совпадений перестают быть случайностью. Им достаточно малейшего подозрения, чтобы не оставить меня в покое. Если бы я завалил сессию, в их глазах это выглядело бы лишь жалкой попыткой обмануть самого себя.

Впрочем, после явки Хэ Даюна с повинной авторитет Цэнь Сяо в Девятом районе стал непоколебим. Теперь, сколько бы Хань Цзян ни пытался продвигать Ду Минли, без реальных заслуг это будет бесполезно. К тому же Хэ Даюн мастерски перевел все стрелки на Цэнь Сяо, так что Чжан Чжаохэ и верхушка корпорации «Сухэ Шэнью», несомненно, сочтут его своим главным врагом.

А это значит, что Цэнь Цину уже не удастся остаться в стороне.

Цэнь Сяо не задействовал информационный отдел Девятого района, но его сведения всегда оказывались и быстрыми, и точными. А поскольку дружба Цзянь Фу и Цэнь Сяо ни для кого не была секретом, Первому району Цзянь Чанли тоже не удастся выйти сухим из воды.

Они больше не были той горсткой беспомощных школьников, что в прошлом. Чем больше влиятельных людей окажется втянуто в эту игру, тем меньше шансов у «Сухэ Шэнъю» на решительный удар.

Стоило Ли Жуну погрузиться в мысли о делах, как он тут же становился подчеркнuto серьезным. Он смотрел на стеклянные витрины первого этажа библиотеки, скрестив руки на груди. Между его чуть нахмуренных бровей залегла складка, взгляд стал холодным и сосредоточенным. Губы Ли Жуна шевелились, когда он говорил, и за ними то и дело мелькали ровные белые зубы.

Слушая его рассуждения, Цэнь Сяо невольно засмотрелся на покрасневшие от холода краешки его ушей и мочки. Когда человек замерзает по-настоящему, он перестает чувствовать холод. Ли Жун даже не моргал; высунув указательный палец из рукава, он машинально постукивал им по локтю, явно уйдя в себя.

Цэнь Сяо не выдержал. Он протянул руку, ухватил Ли Жуна за капюшон пуховика и рывком натянул его парню на самую голову. Затем, потянув за болтающиеся завязки, он с силой притянул Ли Жуна к себе.

Тот не ожидал такого напора, качнулся вперед и инстинктивно уперся ладонями в живот Цэнь Сяо.

Воспользовавшись моментом, Цэнь Сяо склонился к нему и принялся целовать Ли Жуна, который в недоумении замер в коконе своего капюшона. Холодные мочки ушей коснулись кожи, заставив Ли Жуна вздрогнуть.

Лишь когда язык Цэнь Сяо неохотно покинул его озябшие губы, парень наконец пришел в себя. Он облизал губы и весело сощурился:

— Я тебе о серьезных вещах толкую, а у тебя что в голове?

Цэнь Сяо поправил на нем капюшон и многозначительно проговорил:

— Хочу сводить тебя на говяжий хого... а потом съесть тебя самого.

<http://bllate.org/book/15351/1501545>